

СЧАСТЬЕ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

Советский театр немало сделал для исследования образа Владимира Ильича Ленина, для приближения ленинских мыслей к новым молодым поколениям. Чем же располагает наша театральная «Лениниана», с какими достижениями приходим мы к столетию со дня рождения вождя революции?

Создание сценического характера Ленина началось задолго до того, как в один из обычных вечеров 1937 года на сцену театра имени Вахтангова вышел в роли Ленина в пьесе Николая Погодина «Человек с ружьем» Борис Щукин. Потрясенный зрительный зал, стоя, приветствовал вождя революции, люди присутствовали при событиях, которое здесь становилось историческим, — Ленин с живым голосом, характерными жестами, умным взглядом возвращался к человечеству, театр наяву демонстрировал бессмертие этой замечательной жизни.

Но задолго до этого вечера образ Ленина отдельными своими чертами, отсветами жил на советской сцене, постепенно собираясь в единое и великое понятие — Ленин. Несколькими путями шли наши художники к созданию образа Ильича.

Один путь — герои первых советских пьес рассказывали о том, как они видели Ленина, как говорили с ним и как поначалу даже не признали в нем вождя мирового пролетариата. Столь прост и скромен был этот человек. Так рассказывает о своей встрече с Лениным в Смольном революционный матрос Годун — герой пьесы Бориса Лавренева «Разлом». Примечательно, что и «Разлом», где в рассказе Годуна давался четкий, зрительный портрет Ильича, был показан на той же вахтанговской сцене, на которую через десять лет вышел в образе Ленина Борис Щукин.

Другой путь выбрал Константин Тренев в пьесе «На берегу Невы», когда в финале спектакля Малого театра появлялся В. И. Ленин, не говоривший ни слова, но как бы венчающий рассказ о революции самим

своим появлением перед народными массами.

Но был еще один путь искусства, идущего к созданию образа Ленина, путь постепенного накопления ленинских черт в других характерах. Путь этот наиболее плодотворен для сценической литературы, он, по существу, и привел к классическому «Человеку с ружьем». На дорогах к щукинскому образу вождя зрители видели на сцене учительницу Яровую, идущую к революции в пьесе Тренева «Любовь Яровая», революционного матроса Годуна из «Разлома» Лавренева, комиссара Пеклева из «Бронепоезда 14-69» Всеволода Иванова, красного директора Хомутова из «Огненного моста» Бориса Ромашова и многих других героев того времени, опаленных революцией. В каждом из этих характеров, в каждой из этих судеб жили отблески ленинского характера, ленинской судьбы.

Двадцатилетие Советского государства. Создание образа Ленина в спектакле «Человек с ружьем». Николай Погодин начал свою знаменитую «Лениниану», увенчавшуюся в 50-е годы высшей наградой — Ленинской премией. В «Человеке с ружьем», драме крепкого и ясного сюжета, где действуют рабочие и крестьяне, совершившие революцию, новаторской была лишь одна сцена — встреча Ленина с крестьянином Шадриним в штабе восстания — в Смольном. Ленин просто расспрашивал Шадрина о делах на фронте, слушал, взвешивал сказанное, коротко, напористо, афористично говорил то, о чем писал в своих статьях, обращался к массам на митингах и в докладах. Сюжет драмы, традиционные линии семейных и общественных отношений развивались параллельно диалогу Ленина — Шадрина.

Следующий шаг был сделан Погодиным в пьесе «Кремлевские куранты», где Ленин — главное действующее лицо, где прямое его влияние сказывалось на судьбах других героев драмы.

Но и «Кремлевские куранты» были лишь

важной, серьезным этапом на пути к новым художественным поискам. На сцену МХАТа приходит новая пьеса Погодина — «Третья патетическая». Еще встреча с Лениным, другая, необычная. Ленин — в беседах с окружающими, в диалоге, во взаимодействии с другими людьми. Величие Ленина прослеживалось через судьбы тех, кого он воспитал, повел за собой, научил слушать революцию. В «Третьей патетической» Погодин совершает еще один качественный скачок — он пишет сцену — Ленин наедине со своими мыслями, Ленин, ведущий как бы внутренний монолог, в котором раскрываются сокровенные его раздумья. Зрители спектакля словно присутствуют при рождении будущих книг, статей, речей, словно в лаборатории ленинского мышления.

Шли годы. К образу Ленина не раз обращались советские драматурги, театры. Одной из заметных пьес о Ленине стала в последние годы пьеса Александра Штейна «Между ливнями».

Затем в «Лениниану» вошла еще одна пьеса — «Шестое июля» Михаила Шatroва, «Опыт документальной драмы» — так называется жанр этой пьесы, и в этом определении заключена первая и главная особенность рассказа о революции: документальность, точность исторических фактов, истинные картины жизни. В этой пьесе есть новое и в решении, и в подходе к образу Ленина. Ленин из «Шестого июля» — это уже не только самый человеческий человек и не только великий вождь пролетариата. Ленин из «Шестого июля» — человек военного действия, если эта война навязана идейными врагами. Более всего на свете мечтающий о мире, Ленин в любую минуту готов на борьбу, если борьба развязана антинародными элементами. Собравный, действенный, мобилизованный духовно, Ленин предстает перед нами в этом спектакле.

Сейчас в Москве идут два спектакля — «Десять дней, которые потрясли мир» по Джону Риду и «Большевики» Шatroва, где нет Ленина, воплощенного реальным актером. В одном спектакле мы слышим живой ленинский голос, записанный на пленку. В другом он, раненный вражеской пулей, лежит в комнате рядом с той, где идет первое без Ленина заседание Совета Народных Комиссаров. Ленина нет в этих спектаклях, но в них есть ленинская атмосфера, ленинская мысль, и это — еще один драматургический поиск в «Лениниане».

Инна ВИШНЕВСКАЯ,
кандидат искусствоведения.